

Лариса Миллер

Островок безопасности

Выпуск 3
серии «Стихи гуськом»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3

ББК 84-4

М 60

На обложке Лариса Миллер и Арсений Тарковский, 1983 г.,
фото Александра Кривомазова

Миллер Л.

«Островок безопасности», Выпуск 3 серии «Стихи гуськом».

Третий номер авторской серии «Стихи гуськом». Предыдущие выпуски: «Ridero», «В прямом эфире» - август 2016, «Два ветра, три дождя» - январь декабрь 2016. В данном «Выпуске № 3» несколько совсем новых стихотворений 2017 г., стихи сентября-декабря 2015 г., стихи 1965-1969 гг., раздел «Памяти Азарика Мессерера», а также «Заметки на полях»: о выставке Резо Габриадзе, о книгах Геннадия Русакова, Татьяны Правдиной-Гердт, Людмилы Штерн и слово прощания с Евгением Евтушенко.

ISBN 978-5-44851786-0

НА ЧЕТВЕРТУЮ СТРАНИЦУ ОБЛОЖКИ

*Чего-то вечно не хватает.
То дня, что быстро пролетает,
То слов, что только родились,
И тут же с воздухом слились,
Не дав мне рассказать про шаткость
Всего на свете, хрупкость, краткость.*

I. Несколько новых стихов 2017 г.

Ничто не ново под луной?
Да как же так? А внучек мой?
А внучек мой? Моя кровинка?
Он что? Он разве не новинка?
Он здесь впервые – мой внучок,
Он в этом мире – новичок.
ЕМУ всё внове, ОН всем внове,
И мир безумно рад обнове.

Кто музыку такую сочинил,
Тот знает то, чего никто не знает:
Куда уходит день, когда он тает,
Кто этот зимний вечер засинил,
И почему горят через один
Все фонари. И почему на свете
Живут одни лишь маленькие дети -
Те - с чёлочкой, те - в облаке седин.

В сыроватом пространстве сырые кусты -
Безымянного автора чудо-холсты,
Безымянного автора чудо-полотна,
Что стоят, прилегая друг к другу неплотно.
И то тень на полотна, то свет упадёт.
И любой для себя в них хоть что-то найдёт,
Что-нибудь, что его исцелит или ранит,
Душу перевернёт или в душу заглянет.

А скоро будет месяц май
И тьма уйдёт и поминай,
И поминай, как морок звали.
Лишь ослепительные дали
Сегодня окружают нас.
Что ни стена, то дивный лаз,
То тайный дивный лаз зияет
В тот мир, где всё поёт, сияет.

Я ничего не упустила?
Всех добрым словом угостила?
Всех навестила по пути,
Сказав заветное "лети"?
Я всем сегодня угодила?
Летучей рифмой всех снабдила?
Я всем, как только рассвело,
Успела подарить крыло?

Мне муза вовсе не подружка,
А кислородная подушка.
Благодаря лишь ей дышу,
Пишу, страничками шуршу.
Я, засыпая, просыпаясь,
Стихи пишу. Их много, каюсь.
Я б перестала их рожать,
Но как дыханье задержать?

Ах, мелочи, любимые мои.
Ах, жизнь моя, не бойся мелочиться.
Из мига, что сияет и лучится,
Все дни свои весенние крои:
Из мелочей сияющих своих,
Из капель, что летят с ветвей ольховых,
Из блестящих деталей чепуховых,
Из коих я крою сегодня стих.

Ах, жизнь моя, не бойся мелочиться.
Любая мелочь нынче так лучится,
Любой твой миг подобен дождевой
Лучистой капле вешней и живой.
Что счастье есть - готова поручиться.
Оно сегодня скрыто в мелочах -
В капели, в её сбивчивых речах,
В ночах, что всё короче и короче,
И в небесах, чьи радужные клочья
Сегодня отражаются в ручьях.

Я потому лишь не сникаю,
Что я в лазурь перо макаю,
Небесный цвет всему даря.
И только лишь благодаря
Своей устойчивой привычке,
Творю миры, где любят птички
Крылом махать и щебетать,
Едва-едва начнёт светать.
Вот я перо в лазурь макнула,
И жизнь, как птичка, промелькнула.

День сказал: "Положись на меня".
Я послушалась и положилаь,
И, доверясь ему, подружилась
С каждым мигом текущего дня.
На заре поднялась и иду,
С днём не споря, ему не мешая,
По дорожкам его поспешая
Под его озорную дуду.

А небо дождиком кропит
Ту жизнь, что на земле кипит.
Кропит её дождём весенним
По будням и по воскресеньям,
Напоминая, что не весь
Мирской сюжет творится здесь,
И есть незнающие тленья
Нездешней участи вкрапленья.

И опять перешагнём,
Как сто раз перешагнули
Через ад, где жгли огнём,
Насылали мор и пули.
Через всё перешагнём -
Через то и через это.
Даже неким чёрным днём
Переступим через света
Нам предсказанный конец
И продолжим куролесить,
И сподобится Творец
В небе солнышко повесить,
Чтобы свет, как прежде тёк,
Чтобы люди, свету внемля,
Не пустились на утёк,
А спасали эту землю.

Идёшь с трудом? Идти далече?
Ну что ж. Взвали себе на плечи
Того, кому идти не в мочь,
Как и тебе. Кто день и ночь
Идёт-бредёт, дойти не чаёт.
Неси его и полегчает.

А я сверяюсь не с часами,
А с небесами, с небесами
И с голосами певчих птиц.
То где-то тень упала ниц,
То где-то ветка шелохнулась...
А жизнь ушла, потом вернулась,
Дни зажигая и гася
И строчку в клювике неся.

Есть тишина, и мне она внимает.
Есть воздух, и меня он обнимает.
Есть небеса. Они мне дарят свет.
О Господи, чего здесь только нет?!
Уменья нет. Дай, Господи, уменье
Ценить всё это каждое мгновенье.

Чего-то вечно не хватает.
То дня, что быстро пролетает,
То слов, что только родились,
И тут же с воздухом слились,
Не дав мне рассказать про шаткость
Всего на свете, хрупкость, краткость.

II. Сентябрь - декабрь 2015 г.

Сияющая молодость, невесть с какого дня
Меня забыв, обходится прекрасно без меня -
Без моего смятения, без пылкости моей.
Ей нынче кто-то новенький приятней и милей.
И с ним задорным, дерзостным, несущим всякий вздор,
У них такой немислимо бессвязный разговор
Идёт, что в нём участия не в силах я принять,
И даже если слушаю, то не могу понять.

Ну что ж, вступи в единоборство
С судьбой и прояви упорство.
Она - туда, а ты - сюда.
Коль скажет: "Нет", скажи ей: "Да".
Коль скажет: "Время жуткой стужи",
Скажи ей, что бывает хуже.
Коль скажет: "Ужас, полный крах!",
Скажи: "Держи себя в руках".

Я никак не пойму, то ли время всех ставит на место,
То ль, напротив, сгоняет с родного земного насеста.
То ли хочет оно, чтоб ловили мы миг на лету,
То ль оно нам дано, чтобы помнили мы про тщету.
То ль примером своим учит бегать и нас без одышки,
То ли просто бежит, потому что плохие нервишки,
И пора бы нам всем пожалеть его и приласкать,
Успокоить и впредь никуда от себя не пускать.

Памяти Кейса Джискута

И никуда от этой грусти не деться,
И невозможно от нее запереться,
И невозможно её в дом не впустить,
Коль ей захочется придти погостить.
А можно только усадить её рядом
С окном распахнутом и шепчущим садом,
Что ей расскажет в своих тихих речах
О легких крылышках, тенях и лучах,
О гибкой ветке, что под яблоком гнётся,
И грусть послушает и вдруг улыбнётся.
4 сентября 2015 г.

Перемещаются ТУДА
Те люди, что меня любили.
Уходят из привычной были
В мир, не разъятый на года.
И это значит есть кому
Меня и ТАМ принять, приветить
И на вопросы мне ответить,
Коль, растерявшись, не пойму,
Как обитать на свете ТОМ,
Как ТАМ наладить быт и дом.

Давайте, сверясь с расписанием,
Займёмся тихим угасаньем,
Изучим тонкости его,
Не упуская ничего.
Изучим грани увяданья.
Раз мы частица мирозданья,
В котором есть и то и сё,
То мы должны постигнуть всё.
Мы - часть вселенной, часть природы,
Где не выходит смерть из моды.
И раз пока она в чести,
Почимся шептать "прости",
Как шепчут листья, облетая,
Как шепчет день, тихонько тая.

Поскольку жизнь такая сложная,
Унынье - роскошь невозможная.
Ведь надо как-то выживать,
Прорехи, дыры зашивать,
Ткань жизни смятую разглаживать
И как-то быт земной налаживать,
И делать так по мере сил,
Чтоб он мне радость приносил.
А он упорствует, артачится,
Велит мне: "Плачь", а мне не плачется.
Вернее, плачется, но я
Лазурью обметав края
Канвы, на ткань взгляну опасливо
И вижу: светится. И счастлива.

Как назвать этот путь?
 Назови его необратимым.
Как назвать этот миг?
 Назови его невоплотимым.
Что же делать, скажи,
 Что же делать, о Господи, мне
С невозможным таким, тупиковым
 безжалостным "не"?
«Но ведь есть еще свет,
 свет немеркнущий, необоримый, -
Слышу тихий ответ, -
 Небесами моими творимый».

Нет, надо было подождать
И не спешить на свет рождаться.
Нет, надо было дня дожждаться,
Когда наступит благодать.
А так приходится самой,
Самой устраивать все это
В краю, где скоротечно лето
И темень жуткая зимой.

Коль говорят, что неизбежно горе,
Не слушай их и не живи им вторя...
Сам постигай порядок заведённый,
В котором пир сменяет труд подённый.
Сам постигай сей мир непостижимый,
На счастье и беду неразложимый.
И ты поймёшь, постигнув все нюансы,
Что равные у счастья с горем шансы.

Я особенно смертна, когда просыпаюсь,
Потому что, проснувшись, невольно касаюсь
Нити жизни, которая мелко дрожит,
Так дрожит, будто только что страх пережит,
Страх не знаю чего - одиночества, смерти,
Пустоты ли, тщеты ли земной круговерти,
Темноты, белизны наступившего дня,
Что вот-вот ослепит ярким светом меня.

Поздравляю тебя с наступившей средой,
С листопадом, с блескучей озёрной водой,
С тем, что в час листопада все музы при деле,
Поздравляю тебя с серединой недели,
С тем, что дождик, который слегка моросит,
В эту дивную среду под счастье косит.

Когда я наконец решусь,
То в гости к счастью попрошусь.
Мне интересно, как живётся
Тому, кто дивно так зовётся,
В каком живёт оно краю,
С кем поделило жизнь свою,
И как смогло оно устроить
Так, что нельзя его расстроить.

Возьмём сегодня для примера
Меня. Труды мои - химера.
Все дни со страстью, с куражом
Гоняюсь я за миражом.
И тем же занята ночами.
Спроси: "Зачем?", пожму плечами.
Спроси, как время провожу,
Скажу: "Вокруг себя гляжу".
Спроси, каков мой род занятий,
Скажу: "Ищу я для объятий
Объект. И всё, что отыщу,
В свой стих немедленно тащу".

Меня однажды окрылили
И горизонты мне открыли,
И я теперь - чуть что - лечу.
Сейчас лечу я на свечу.
То бишь, на лист, что сух и ярок:
Когда останется огарок
Свечи, найду другую цель.
Меня устроит даже щель
Меж штор оконных или вспышка
Зари, иль в хворях передышка.

Хочу с тобой поговорить,
Но как назвать тебя - не знаю.
То белым светом называю,
То называю "жизни нить",
То назову тебя судьбой,
То временем, то небесами,
Где я могу парить часами,
Неся тетрадочку с собой.
Во всяком случае, ты то,
Ты тот, ты та, с кем важно крайне
Мне побеседовать о тайне,
Которой не постиг никто.

Конечно, жить на свете сложно,
Но лишь таким путём и можно
Увидеть неба синеву. Я потому лишь и живу,
Что в этом мире есть такое,
Что не даёт никак покоя,
Что трудно описать пером.
Вот листья в воздухе сыром
Летают. Им пока летится.
Нам с ними выпало родиться
В одном краю. Я в те же дни
Кружу по свету, что они.
Живут они, как жить привыкли -
Чуть покружились и поникли.
А я который год кружу
И всё ума не приложу -
Как можно покружить и сникнуть,
Упасть на землю и не пикнуть.

Я так долго была молодой,
Баба старенькой, мама бессмертной.
Жизнь так долго была милосердной,
Окружая воздушной средой
Всё привычное - дом и семью,
Весь рисунок под облаком пенным,
Что казался почти неизменным.
Вдруг взглянула - и не узнаю.
Вдруг хватилась - и нет никого.
Вдруг хватилась - и не досчиталась
Тех, с кем дивно когда-то леталось.
И бессмертных - ну ни одного.
Да и я... Разве та - это я? -
Как поэт вопрошал справедливо.
Что же делать? Наверно, "счастливо"
Пожелать им, всю горечь тая.
Пожелать и ушедшим и той,
Той себе, что жила здесь однажды,
Над ручьём умирая от жажды,
Наслаждаясь земной маемой.

С волшебным летом кончился роман,
Что очень жаль. Я всячески хотела
Его продолжить, потому что пела
Его душа. А я ведь меломан.
К тому же, и моя душа поёт,
Душа поёт и ждёт, чтоб подпевали
Или по крайней мере "ля" давали
Мне для настройки. Нынче "ля" даёт
Рассвет, хоть и поздней на три часа,
Чем летние цветные небеса.

Ну а в конце концов мы станем
Хоть чьим-нибудь воспоминаньем.
Возможность эта есть всегда,
А, значит, мы не без следа
С земли уходим. Как приятно,
Что, хоть нельзя прийти обратно,
Но можно в чьей-то жить душе
Эскизом ли в карандаше,
Туманном и незавершённом,
Излишней чёткости лишённом,
Иль глянцевитым полотном,
Что в стиле выполнен одним,
Иль на картине светлой точкой,
Иль в голове застрявшей строчкой.

Сей скоротечной жизни миги -
Они должны быть в красной книге.
Нельзя ни комкать их, ни мять,
Их надо, точно дар, принять,
Чтоб те, что в душу к нам влетели,
Покинуть нас не захотели
И больше не рвались вперёд,
Замедлив чудом свой полёт.

Вот протянуло лето ножки,
Вот лес сменил свои одёжки,
Снял изумрудный свой наряд.
Сегодня в воздухе парят
Лишь те, чьё время на исходе,
Кто на излёте, на свободе
И кто, не скованный ничем,
Не вопрошает: "Как? Зачем?
За что?", в своей имея торбе
Лишь смесь веселости и скорби -
Ту упоительную смесь,
Которой полон воздух весь.

Гармония есть, но она где-то там,
А хаос - он ходит за мной по пятам
И путает карты с великим азартом,
Как неслух шкодливый, что ходит по партам,
Желая сорвать надоевший урок.
И выставить хаос нельзя за порог.
И, чтобы призвать его как-то к порядку
И чуть усмирить, я берусь за тетрадку
И буквы в строгом порядке пишу.
И, ежели хаос и не сокрушу,
То, может, заставлю присесть со мной рядом
И полюбоваться тем складом и ладом,
Который в стихке воцарился одним,
Когда целый мир перевернут вверх дном.

Иди, иди, пока идётся,
И ножками перебирай.
Пока твоя дорожка вьётся,
С тенями лёгкими играй.
Играй с лучами и тенями,
Что на твоём пути лежат.
Играй с огнём, верней, с огнями,
Что на ветру слегка дрожат.
Они слетят, увидишь дверцу
Меж оголившихся ветвей
И примешь близко-близко к сердцу
Летучий миг судьбы своей.

Летает в воздухе сыром
Листочек, набираясь влаги.
А ты води себе пером,
Пером весёлым по бумаге.

Лес, потерявши покрова,
Пустым останется и голым.
А ты печальные слова
Пиши пером своим весёлым.

Перо не может быть иным.
Оно умеет только в раже
Писать про горькие, как дым,
Потери, тяготы, пропажи.

Терпя безумные издержки,
Как можно выжить без поддержки
Непредсказуемых небес
Изменчивых? Как выжить без
Листвы - её орла и решки -
Без этих золотых монет,
Которые, сходя на нет
И собираясь приземлиться,
Всё продолжают золотиться
И посылать прощальный свет?

Нашёлся или заблудился
Тот, кто на белый свет родился?
Он воспарил или пропал,
Когда на белый свет попал?
Его сверх меры одарили
Иль обобрали, одурили
И так запудрили мозги,
Что и не видит он ни зги:
При свете, как во тьме кромешной -
Ни зги не видит он, сердешный?

Собираюсь здесь жить, пока жить не расхочется.
Собираюсь здесь жить, пока время не кончится,
И пока над макушкой небо висит,
Из которого дождик слегка моросит.
Собираюсь здесь жить и надеюсь при случае
Убедить, урезонить мгновенья летучие,
Чтоб они, продолжая летать и шуршать,
Моим планам не вздумали вдруг помешать.

Всё перемелят жернова,
Всё перетрут, всё перемелят,
Включая дни, что нынче стелят
Осенних листьев покрова,
Что небывало хороши
И высочайшей ждут оценки,
И чьи тончайшие оттенки
Творил Всевышний от души,
Тем самым намекая нам,
Что мимолётности все эти,
Хоть и рискуют кончить в нетях,
Лишь светлым преданы тонам.
И, если тянет говорить
Про это всё, то лишь словами,
Которые умеют сами
Воспламеняться и парить.

Нет, нет, не надо сокрушаться,
Что дни осенние крошатся
На уйму охристых частиц,
На землю падающих ниц
Иль упдающих на спинку.
Нет, надо полюбить картинку,
И даже рвущуюся нить
Необходимо полюбить -
Нить, на которой всё держалось.
И, если даже сердце сжалось,
То ведь печальные сердца
Есть тоже замысел Творца.

Какой, однако, лёгкий слог
У жизни. Речь её струится,
И что-то вечно в ней таится
Такое, что она - манок,
Силок, в который я сама
Всегда готова попадаться,
Чтоб снова с небом повидаться,
Вновь оказаться без ума
От прихотливых виражей
Листвы летящей жарких клёнов,
От разных здешних закидонов,
Причуд, фантазий, миражей.

А счастье боялось меня, как огня,
Боялось оно молодую меня.
Оно мне, как звёздочка, всюду мигало,
Но что-то во мне его страшно пугало.
Наверно, пугал мой тогдашний минор,
Унылый мой вид и печальный мой взор.
И вместо того, чтобы сделать мне взбучку,
Оно, огорчённое, скрылось за тучку.
Но я постарела и стала умней,
И стало мне жаль тех безрадостных дней,
И я попросила: " Вернись, если можно",
И счастье, - сначала весьма осторожно, -
А после смелее ко мне подошло,
И наше свиданье прекрасно прошло.
И с этой поры я души в нём не чаю,
И, коль временами его огорчаю,
То через минуту прощенья прошу
И, чтоб не серчал, в объятьях душу.

Когда узнаете, что где-то
Светло все ночи напролёт,
Прошу, скажите мне про это,
Тотчас отправлюсь я в полёт.

Я не умею жить во мраке.
Во мраке просто не дышу.
Как только подаёт мне знаки
Рассветный луч, к нему спешу.

Коль в мире есть такое место,
Где свет сияет круглый год,
Рвану туда, слетев с насеста.
Я света страстный патриот.

Ему служу, когда он светит.
Когда же ночь долга, черна,
И свет родной уходит в нети,
Тем паче я ему верна.

Тогда его я извлекаю
Из недр памяти своей.
Как извлеку его, скликаю
Всех, кто со мной одних кровей.

И все же, коль отыщет кто-то
Сплошные светлые места,
Пусть скажет мне. Ведь так охота
Пожить за пазухой Христа.

Когда я слышу слово "старость",
Впадаю в бешеную ярость.
Ну кто придумал эту чушь
Для юных и бессмертных душ?
Ведь души непременно юны,
У них всегда одни кануны,
И сроду не было и нет
У юных душ преклонных лет.
И оскорбительно для слуха
Звучат слова "старик, старуха".
И, объявляя им протест,
На слове "старость" ставя крест,
Ей запрещаю рядом шаркать
И у меня над ухом каркать.

Во имя чего? Да во имя вот этой
Небесной лазури, еще не задетой,
Во имя рассвета, вступившего в силу,
Во имя той осени, что попросила
Меня в этом мире еще задержаться,
Чтоб в тихом пруду вместе с ней отражаться.

Самое время довериться тропам земным,
Волнам воздушным, капризному ходу событий,
Переплетью осенних желтеющих нитей,
Беглым огням, что легко превращаются в дым.

Самое время довериться лёгкой строке,
Той, что ещё только носится в воздухе где-то,
Чуть добавляя текущим событиям света
И трепеща на веселом шальном ветерке.

Спустили с радужных небес
Распоряженье, директиву
Считать, что жизнь - сплошное диво
И что она полна чудес.
И вот, послушная верхам,
Я приступила к исполненью -
Живу в восторге и волненьи,
Что ясно видно по стихам.
А ведь в какие-то года
Прямое было указанье
Считать, что жизнь есть наказанье,
Страданье, каторга, беда.
А, может, небо ни при чём,
И, хоть я небесам внимала,
Но их совсем не понимала,
Была бездарным толмачом.

И вдруг навалится, как глыба,
Тоска, что мне не по плечу.
И ведь не скажешь ей: "Спасибо,
Спасибо, больше не хочу.
Спасибо, мне уже хватило
Тебя. Не засти, уходи.
Мне очень надо, чтоб светило
Хотя бы что-то впереди".

И снова лист живёт в тоске,
И снова он на волоске
Висит, и снова с первым встречным
Он рвётся говорить о вечном.
И так он рвётся говорить,
Что рвётся тоненькая нить,
Которая его держала
И за него весь день дрожала.

Вот по какому я вопросу:
Как сделать, чтоб не знали сносу
Душа и тело, чтоб не мерк
Мой мир ни в среду, ни в четверг,
Да и в другое время тоже.
Ты можешь так устроить, Боже?

Да нет, не света. Только лета
Недавно наступил конец.
Не наложил ещё Творец
На всё решительное вето.
А, значит, Он готов продлить
Сию волшебную волынку
И вешать свежую картинку
На еле видимую нить.

Черно-белая музыка, как
Тебе петь удаётся?
Почему - будь то свет или мрак -
Тебе дивно поётся?
Почему, моя музыка, ты
Так щедра на оттенки
И способна снимать с черноты
Белоснежные пенки?
Почему, зная только одно, -
Клавиш чёрный и белый,
Никогда ты не тянешь на дно,
Что с тобою ни делай?
Почему даже если с горы
Ты слетаешь отвесной
Не бросаешь весёлой игры
С синевою небесной?

Опять роящиеся миги
Вокруг меня плетут интриги,
И листья, что кругом летят,
Быть тоже в сговоре хотят,
Чтоб трепыхаться и шептаться.
Им скучно слухами питаться.
И просыпаюсь я с зарёй,
А за окошком целый рой
Каких-то сказок, слухов, сплетен.
И слышу я: "Опять на ветер
Начнёт она слова бросать.
Необходимо мир спасти
И пресекать её повадку
Тащить нас всех в свою тетрадку".

Проснулась с пересохшим ртом.
Не то нужна мне капля влаги,
Не то мне нужен лист бумаги,
А влаги капелька - потом.
К чему-то надо мне прильнуть
Не то душой, не то губами.
Рассветный луч в оконной раме
Велит мне сделать что-нибудь.
И, слушая его совет,
Я пью по капельке рассвет.

Всю жизнь пишу от первого лица,
И по-другому просто не умею.
Попробую иначе - онемею.
Пишу - и нет признаниям конца.
"Я то, я сё", - твержу я, не тая
Своих причуд которое столетье,
И слышу, как лицо второе, третье
Твердит в ответ: "И я, и я, и я".

Представь, что тебя кто-то близкий хватился
И кличет и ищет, а ты закатился.
Как солнышко, ты закатился за лес,
За горы, за доли. Короче, исчез.
Представил? Так дай своё честное слово
Родным и любимым, что явишься снова,
Что, если из виду ты вдруг пропадёшь,
То утром, как солнышко, снова взойдёшь.

У жизни, к несчастью, характер бесовский.
Но к этому ты отнесись философски.
Ведь есть у неё и другие штрихи:
Она, например, сочиняет стихи.
Она ведь не только нам боль причиняет,
Она ещё песни для нас сочиняет,
На струнах души их играет сама,
Да так, что мы сходим от счастья с ума.

Вот бог, а вот порог,
Где золотится лучик.
Всё происходит в срок
Без всяких этих штук.
И листья в листопад
Ложатся, где придётся,
Сквозят и лес и сад,
Где мне легко идётся,
Где нагуляться всласть
Мне позволяют сроки,
Где я покуда часть
Цветной земной мороки.

Внуку Данечке.

Кто сказал: "Старо, как мир,
Мир, изношенный до дыр"?
Мир совсем не изнашивался,
Вон как он весь день носился
С золотой своей листвою.
Он азартный и живой.
И к пришельцам, новосёлам
Любознательным, весёлым
Обожает подлетать и на ушко им шептать:
"Рассказать тебе, мой светик,
Где держу я свой секретик?"

Уже вздыхали. Не вздыхай.
Уж причитали: "Боже, Боже!"
Уже и радовались тоже.
Всё уже было. Отдыхай.
И всё, о чём ты в тишине
Хотел спросить, уже спросили.
И крылья за спиной носили,
И крест носили на спине.
Но если тянет самому
Хоть как-то повторить всё это,
Не следуй моему совету
И сам терзай и свет и тьму.

Я нигде не состою,
Ни в одной почётной лиге,
Разве что в домовой книге
Я под буквой "м" стою.
Но зато я наношу
Лесу частые визиты
И на темы, что избиты,
Стих взволнованный пишу.
А зачем - большой вопрос.
Ведь никто меня не просит,
Разве только лучик бросит
Мне небесный купорос,
Или ляжет тень ольхи,
Иль ворона покосится,
Не решаясь попроситься
В мои новые стихи.

Да никто не устал.
Птица ранняя крыльями плещет.
Ветер не перестал,
И под ветром осина трепещет.
Жить на свете - не труд.
Тьма ночная со светом сроднилась,
И заря тут как тут,
Хоть она и слегка припозднилась.
"Приступай, приступай, -
Слышу я голоса отовсюду, -
В наше действие вступай".
Всем спасибо, я с радостью буду
Частью дивного дня,
Что развесил осенние нити.
Вы зовите меня
И листвою своей осените.

А можно поскулить,
Слезинки две пролить,
Добавив влаги слёзной
Глухой ночи беззвёздной,
Добавив вздохов ей?
И слышу я: "Пролей,
Пролей свои слезинки
Без всяческой заминки.
Ведь ночь сама грустна,
Ей тоже не до сна,
И ждёт, кому излиться
И с кем бы поделиться".

Леночке Колат

Птичка - в воздухе, кошка - на крыше,
Человек, как всегда, на земле.
Это всё нам назначено свыше
Кем-то, кто у руля, при руле.
Но художник - он выдумщик тоже,
И желает он сам порулить.
Обожает он прямо до дрожи
Нас в придуманном мире селить,
Где встречаются птичка и кошка,
Подустан от назначенных мест,
И такая их сводит дорожка,
Где воробушка кошка не съест.
Вот и ангел босой и с крылами
За весёлой бутылкой вина,
Улыбаясь, сидит между нами,
Осушая бокалы до дна.

Не надо умирать, а надо раствориться,
А надо со средой воздушной взять и слиться,
А надо по утрам небесной стать каймой,
Которая светла и летом и зимой.
А можно стать росой в день солнечный, прозрачный,
Что тоже вариант, по-моему, удачный.

Как жаль, что ты не белый голубок,
О жизнь моя, что не воркуешь нежно,
Что обожаешь слово "неизбежно",
И в горле от тебя стоит комок.
Ни приручить тебя, ни ублажить
И ни задобрить. Остаётся жить.

А ты играй, играй, играй,
На нас не обращай вниманья,
От нас не требуй пониманья,
Перелетай из ада в рай.

О жизнь, ты редкий виртуоз,
Тебе вся музыка подвластна:
И та, что, как любовь, прекрасна,
И та, что солонее слёз.

Богатый свой репертуар
Не обсуждай с дурными нами.
Чего хотим - не знаем сами.
Дари нам свой озноб и жар

И не смотри, что через край
Восторг, что от восторга таем.
Тебя мы завтра освистаем.
А ты играй себе, играй.

Каталась я в сём мире тварном
На пассажирском, на товарном,
На самолёте, на авто, -
Но всё типичное не то.
И поняла я: только ножки
Способны отыскать дорожки,
Что приведут меня в тот край,
Где раньше был мой детский рай,
Иль заведут меня куда-то,
Где еле различима дата,
Или заманят в то "потом",
Что будет в веке золотом,
Том, что возможен здесь едва ли.
Короче, я в любые дали
Могу попасть, бродя пешком
Вдвоём с творимым мной стишком,
Ещё покуда бессловесным,
Ни мне, ни миру неизвестным.

Я никак не пойму - небеса за меня?
За меня или категорически против?
За меня ли снегирь, что на тоненькой ноте
Всё поёт и поёт среди белого дня?
Разве он не стремится мне всё объяснить?
Разве мир не живёт исключительно мною,
То желая помочь мне любой ценою,
То пытаюсь порвать судьбоносную нить?
До меня, говорите, нет дела ему?
Никогда не поверю, вовек не пойму.

Если трудно идти, то возьми чуть левей.
Там в весеннем овраге поёт соловей.
Если дело зимой, то возьми чуть правее.
Там свежей ветерок и снежок поновее.
Да и прямо пойдёшь, что-то будет с тобой.
Ведь ещё не звучала команда "отбой".
В сокровенной тиши если что и звучало,
То какой-то мелодии дивной начало.
Коль мелодии этой не слышишь пока,
Это значит летит она издалека.

Я не могу сойти со сцены,
Поскольку не была на ней.
Я только что из пышной пены
Осенних золотистых дней.
И в пену снежную густую
Готова я нырнуть на днях.
Я жизнь веду вполне простую,
Но с чудотворцем на паях,
Который дарит мне возможность
Нырять из злата в серебро
И, презирая осторожность,
Даёт на всё своё добро,
На все фантазии на свете.
И тоже видит благодать
В том, чтобы каждый день на ветер
Слова летучие кидать.

Мы все скитальцы и страдальцы.
Давайте жить, ломая пальцы.
Давайте их в тоске ломать
И очи к небу поднимать.
Дадим же волю нашей муке
И брать себя не станем в руки.
Пускай увидят небеса,
Чего нам стоят чудеса
Существования земного,
Где всё - с былинки и до крова,
Всё-всё, к чему привык, приник,
Даётся лишь на краткий миг.

А кто не жил, тот много потерял.
Ведь здесь же уйма всякого такого,
Начав с красот небесного покрова,
Кончая блеском снежных одеял.
А между тем и этим, Бог ты мой, -
Меж высью переменчивой и долом -
Вся жизнь с её волшебным ореолом,
Венцом терновым, посохом, сумой.

А песня есть, но не слышна.
Она ещё в потёмках шарит
И ждёт, что ей вот-вот подарит
Родную ноту тишина.
Ну а покуда, а пока
Тревожной тишине внимая,
Томятся музыка немая
И не рождённая строка.

Под небом лазурным со взбитыми сливками
Бываем мы счастливы только урывками,
Но всё же бываем, бываем. Ура!
А, значит, отсюда ещё не пора,
Поскольку лишь здесь, невзирая на сложности,
Даны нам такие большие возможности:
Дано от восторга руками всплеснуть,
Дано на плече драгоценном уснуть.

Луч скользит по потолку
И по стенке.
Небо в радужном шелку,
В белой пенке.
Это я июньский рай
Вспоминаю.
Я про звонкий птичий грай
Столько знаю,
Про кузнечиков в тиши
И про блики, -
Хоть садись да и пиши
Труд великий,
Чтоб он был всегда у всех
Под рукою.
Ведь на свете, как на грех,
Нет покоя.
Чтоб когда забот не счесть
И напастей,
Можно было перечесть
Труд о счастье.

И всё же стихи - островок безопасности.
Темноты любые его и неясности
Едва ли кому-то угрозу несут.
А может случится, что даже спасут
От доли сиротской и непонимания.
А может случится, составят компанию,
Чтоб, не докучая и не теребя,
Всё, чем ты живёшь, рассказать за тебя.

Давно пора умерить пыл,
Но так не хочется.
Господь свой луч у нас забыл,
И луч щекочется,
Его легчайшее туше -
Прикосновение -
Внушает страждущей душе
Хоть на мгновение
Надежду робкую, что слов
Всегда чурается.
И ждёт душа любых даров
И загорается
От одинокого луча,
К плечу прильнувшего,
На тропку беглую с плеча
Легко скользнувшего.

Коль музыка кончилась, ты её требуй.
Ты требуй её у земли и у неба,
У ночи, у дня, у любого момента.
И коль музыканты свои инструменты
Уже зачехлили, сложили, убрали,
Ты их упроси, чтоб ещё поиграли.
А если откажут, тогда остаётся
Лишь музыка та, что душою поётся.
Тогда остаётся по белому свету
Кружить под неслышную музыку эту.

*Памяти жертв теракта
в Париже 13.11.2015*

Да человек ведь жить собрался.
Едва родился, жить старался,
Смешными ножками сучил.
Когда подрос, стишки строчил.
Всё время чем-то загорался.
Да как же можно вдруг лишить
Его святого права жить,
Лишить излюбленных занятий,
И тело, ждущее объятий,
Слепыми пулями прошить?

Жизнь травматична и тяжка,
Мы все контужены,
И от шального сквозняка
Слегка простужены.
И то и дело сердце жмёт,
Не жмёт, так ёкает,
А счастье рядышком идёт,
Подковкой цокает.
Окликнуть надо бы его,
Приветить надо бы.
Неужто нет ни у кого
В нём, бедном, надобы?
Оно поведать бы могло
О разных разностях
И позабыть бы помогло
О несуразностях.
Я это знаю по себе.
Мы как-то шёпотом
С ним говорили о судьбе,
Делились опытом.
И оказалось, что оно
Само намыкалось,
В окно стучалось не одно
И в стенки тыкалось.
Решив, что жить уже невмочь,
Пора отчаяться,
Оно увидело, что ночь
Уже кончается,
Что крону тронули лучи
Чуть-чуть опасливо,
Что можно, выйдя из ночи,
Начать жить счастливо.

Я жить привыкла под опекой
В родимом небе тучки некой,
Той, что над темечком висит,
Из коей дождик моросит.

Я жить привыкла под приглядом
Вороны, что уселась рядом;
И под присмотром голых крон
Иду в любую из сторон.

Я жить привыкла под защитой
Дороги, осенью размытой,
Но той, что вечно вьётся тут
И точно помнит мой маршрут.

Я знаю, что другие страны
Мне не дадут такой охраны.
Лишь здесь, где жизни грош цена,
Я дивно так защищена.

Жди у моря погоды,
Обязательно жди.
Ведь несметные годы
У тебя впереди.
Неприменно дождёшься,
Коль готов подождать.
Вот однажды проснёшься,
А кругом благодать:
И на небе всё чисто,
И на море - покой,
И песок золотистый
У тебя под рукой,
С неба золото льётся
И спешит обласкать,
А из дел остаётся
Ветра в поле искать.

Вон тот щебечет, тот стрекочет,
А тот поёт. И каждый хочет
Поведать миру: "Вот он я,
И я попал в сии края,
Где лист шуршит, а ветер свищет,
Где каждый что-нибудь да ищет,
И каждый верит, что найдёт,
Где время мчится, жизнь идёт,
И все дорожки убегают,
Да быстро так, как будто знают
Куда, зачем они бегут.
И не задерживаясь тут
Летим и мы за ними следом,
Хоть смысл спешки нам неведом".

Коль нам отпущенные сроки
Малы, и можно не успеть,
То, значит, время брать уроки
Вокала и учиться петь.

Коль всё на свете - тяжесть, бремя
И неподъёмное кайло,
То, значит, наступило время
Начать отращивать крыло.

Ведь если выпадет родиться
Вновь там, где купол голубой,
Тогда и пенье пригодится
И крылышки само собой.

Коль спросишь меня, как живу, - не найдусь я с ответом,
И вместо ответа поздравлю с красивым рассветом.
Коль спросишь про планы, - с ответом опять не найдусь
И просто словами про выпавший снег обойдусь.
А что ещё можно сказать про ближайшие планы?
Они не надёжней, чем те, что у ближней поляны,
Которая нынче чиста и тиха, и бела,
Но только всё это едва ли земные дела.

Таким дорожкам не к лицу
Вести нас к грустному концу.
Они ж застелены пушистым
Уютным снегом, мягким, чистым,
И приводить должны туда,
Где будем мы, как никогда,
Довольны, счастливы, беспечны
И бесконечны, бесконечны.

Я взвесила шансы -
Все против и за,
И вдруг поняла, что небес бирюза,
Оттенки, нюансы,
И после дождя золотая слеза,
И птичьи романсы -
Они за меня, за меня, за меня,
Без них не смогла б продержаться ни дня.
Они - моё лобби.
И обе зари, не жалея огня,
Прекрасные обе,
Готовы и дальше меня освещать
И столбики строк моих бедных вмещать,
И даже, - о счастье, -
Готовы и дальше меня посвящать
В секрет своей страсти.

А день текущий не считается,
Поскольку нынче мне летается.
Я нынче в воздухе кружу
И к пешим не принадлежу.
И, хоть вполне живу и здравствую,
В земном сюжете не участвую.
И, из сюжета выйдя вон,
Я обрела небесный фон.
И, если часики затикают,
На них здесь ангелы зашикают,
И, коль мгновенье пролетит,
То век мой не укоротит,
Поскольку, - светлое иль тёмное -
Оно летает неучтённое.

Что новенького?

Снег.

Что новенького?

Ветер.

Всё нынче в новом свете:

И дом и мир, и век,

Небес клочок любой.

Сегодня всё новинка:

И наш внучок - кровинка,

И даже мы с тобой.

Он шлёт мне всё новые хвори. Видать,

Ему интересно за мной наблюдать.

Кому? Да тому, кто заведует нами -

И нашими днями и нашими снами.

Ну что ж, коль охота ему посмотреть,

Как буду справляться, пусть шлёт их и впредь.

Мне даже приятно, что я интересна

Тому, чья душа непостижна, небесна.

Перспективы туманны, дела не ясны,

Но зато есть немислимый запах весны,

Той весны, что лишь мреет и лишь предстоит.

Перед нею, о Господи, кто устоит?

Я готова воскликнуть: "Полжизни отдам

За бездонную синь, щебетанье и гам,

И зелёную дымку и градус тепла...

Я бы жизнь отдала, но она истекла".

Найдёныш я, найдёныш ты.
Коль не нашли бы мы друг друга,
То нам пришлось бы очень туго
В глухую пору темноты.
Не забываю ни на час,
Что ты - счастливая находка.
И жду, приемля беды кротко,
Чтоб ты пришёл домой и спас.

О время, чтобы даже духу,
Чтоб даже духу твоего
Здесь не было. Подобно пуху
Летает снег. И ничего,
Знать ничего он не желает
Про твой весьма тяжёлый дух,
И от любви к той песне тает,
Что подбираю я на слух,
Её подслушав у рассвета,
У снега и у тишины.
А те, что стонут: "Счастья нету" -
Те просто слуха лишены.

Рассвет - он страшно плодовит.
Едва проснулся, норовит
Своим лучом, пером ли птицы
Черкнуть хоть что-то на странице,
Что белизной его манит.
То пишет нежно, то с плеча
Вдруг прямо рубит сгоряча,
То вдруг замешкается снова
И улыбается, и слово
Висит на кончике луча.

Мне жить идёт, мне жизнь к лицу.
На мне, я знаю, как влитая
Сидит и осень золотая,
И май, столь щедрый на пыльцу.
И дивно смотрятся на мне
Зимы и белизна и блёстки.
Лишь лето, что прекрасно в носке,
Коротковато по длине.

Здесь нечего делать
Тому, кто не может летать.
Здесь все воспаряют,
Едва начинает светать.
Мечты воспаряют,
Поскольку стремятся к весне.
Младенцы летают
В предутреннем сладостном сне.
Здесь все воспаряют:
И птицы и снег, и листва.
Здесь предпочитают
Селиться во имя родства.
И вряд ли нас ночь
Вдруг возьмёт да совсем поглотит,
Поскольку сама же
Навстречу рассвету летит.

Будет вам и белка, будет и свисток,
Будут ваши окна утром на восток,
То есть, на сиянье, то есть, на зарю.
Верьте мне, я знаю, что я говорю.
Дни пойдут однажды тихим чередом.
Я сама добилась этого с трудом.
И прекрасно знаю, сколько сил берёт
Дней безумный хаос превратить в черёд,
В мирную цепочку, в непрерывный ряд
Светлых дней, надевших праздничный наряд.

Я помню всех, кто разбивал мне сердце,
Тем самым мне приоткрывая дверцу
Туда, куда иначе б никогда
Проникнуть не смогла бы я. Туда,
Где тучи - на серебряной подкладке,
Где счастье обожает игры в прятки,
Чтоб в пору всех моих душевных смут,
Шепнут невесть откуда: "Тут я, тут".

И спросила я у дня:
"День мой белый, что ты хочешь?
Ведь не зря же ты щекочешь
Тонким лучиком меня".
И спросил мой день: "А ты?
Что ты ждёшь от нашей встречи?"
И вели мы эти речи
Чуть ли не до темноты,
Кончив новеньким стишком,
Свежевыпавшим снежком.

Простите, что суффикс люблю уменьшительный,
Но он такой добрый, такой утешительный:
Смени на "овечку" словечко "овца",
И вот уже жизнь не имеет конца.
И ежели облако белой овечкою
Плывёт над рекой, а тем паче над речкою,
Белея и тая в дали голубой,
То всё будет чудно и с ним и с тобой.

Где одиночество живёт?
В любой душе, в любой и каждой,
И даже если вдруг однажды
Его кто в гости позовёт,
Оно придёт, гостей любя,
И, сидя за столом широким,
Ещё острее одиноким
Средь них почувствует себя.
Ему уж лучше жить в тиши,
В потёмках чьей-нибудь души.

Жить ~~стоит~~, ну хотя бы ради
Того, чтоб шарил по тетради
Небесный луч, и чтобы он
Бесшумно проникал в наш сон.
Или хотя бы ради трелей
В саду. Да мало ль разных целей?
И сад и трели, и лучи,
Твоё дыхание в ночи, -
То, без которого не надо
Ни трелей, ни лучей, ни сада.

Чего хочу я от земли,
Так это, чтобы замели
Снега все рубежи и рамки,
Провалы, пропасти и ямки;
Чтоб тот, кто ставит нам предел,
Вдруг оказался не у дел
И жил, растерянно взирая
На то, как мы, не умирая,
Не зная края и конца,
Парим, как снежная пыльца.

Я тоже, я тоже хочу научиться
У вешнего неба сиять и лучиться.
Хочу научиться у птицы мелькать
И пёстрые пёрышки в воздух макать.
Хочу научиться веселью у лета,
У ветра летучести, а у рассвета -
Волшебной способности всё озарить
И всем безутешным надежду дарить.

Посвящается дню солнцеворота.

Я сплю так мало, сплю так чутко,
Что слышу - родилась минутка,
Минутка света родилась
И сразу же светить взялась.
Взялась светить и строить планы,
Взялась зализывать нам раны,
Что темнота нам нанесла,
А ранам этим несть числа.
Хотя она покамест кроха,
Но ворожит она неплохо
И смело посулила нам
Цветущий куст и птичий гам,
И яркую палитру лета,
И полную победу света.

23 декабря 2015

Надеюсь, что дан мне пожизненный дар
Прожить эту жизнь без пометки "устар."
Коль нынче горю, как вначале горела,
То вряд ли я выдохлась и устарела.
Мне чудится, я даже ярче горю.
Не верите мне, так спросите зарю,
Которая видит: я не отдыхаю
В часы заревые, а вся полыхаю,
Стремясь из горючих словечек и строк
Сложить, смастерить и разжечь костерок.

Не будет земля столь опасной и шаткой,
Коль где-то на ней притулиться с тетрадкой
И столбиком лёгкие строки писать.
А как же ещё эту землю спасать?
А как этот мир, что всё время не в духе,
Ещё-то спасать от скорбей и разрухи?
А как же ещё-то беду миновать,
Коль не научиться легко рифмовать
Подёнщину с праздником, быт с чудесами,
А землю с несущими свет небесами?

Зря ты печалишься. Временем смоем
Всё, от чего так душа твоя ноет.
Всё, что сегодня терзает, гнетёт, -
Канет, исчезнет, бесследно уйдёт
По одиночке, а, может, гурьбою.
Но, к сожалению, вместе с тобою.

А жить бы надо ночью-денно
И по земле ступать степенно,
Неспешно по земле ступать,
К исходу ночи наступать
Как утро, тихо, постепенно,
Меня охру на опал...
Уж если ты сюда попал,
То поживи неторопливо.
Ведь сам Создатель кропотливо
Деталь любую подбирал:
Кайму для тучки, что плыла,
Перо для птичьего крыла.

"Что отнимает жизнь, возвращает музыка".

Генрих Гейне

Что жизнь отнимает, то музыка дарит.
Она никогда ни за что не состарит,
А, может быть, даже и омолодит,
А, может быть, заново даже родит,
А, может быть, даже крылами обнимет
И в воздух с собой, воспарившей, поднимет.

Закрой глаза на то, на это,
Зато открой их в час рассвета,
В рассветный час глаза открой,
И ты увидишь, что игрой
Увлечены и край небесный
И край земной, и мир окрестный.
И всё, что мучило тебя,
В игру включилось, свет любя.

Дорожки земные печальны и зыбки.
Мы ходим по ним, совершая ошибки.
Ошибка другие ошибки плодит,
А добрый наш ангел сквозь пальцы глядит
На наши огрехи. Вернее, сквозь крылья.
И, нас осыпая небесною пылью,
Весёлой сверкающей снежной пылью,
Нас делает, - нет, не закланной овцой,
Такой обречённой, такой безутешной, -
А белой пушистой овечкой безгрешной.

Раздели со мной тоску.
Разделить её - ведь это
Как добавить ночи света
Или прочность волоску,
На котором мы висим
Грузом, что невыносим.

Уж если земное нам *должно* оставить,
Навеки покинуть, то лучше истаять,
В трепещущем воздухе взять и пропасть,
Пропасть, превратившись в незримую часть
Воздушной среды драгоценной, любимой,
Прозрачной, трепещущей, неуловимой.

Ну а теперь отведай ты
Кусочек здешней темноты
И света здешнего кружочек.
Сегодня твой черёд, дружочек,
Изведать, какова на вкус
И сладость драгоценных уз,
И горечь, если узы рвутся,
И более не отзовутся
Те, без кого не знаешь как
Свой сделать следующий шаг.

III. Несколько стихотворений 1965-1969 гг.

* * *

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится –.еще секунда,
И твой отходит эшелон?!

И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.
1965

* * *

От маеты, забот и хвори,
Раздвинув дни, я улизну,
Как между планками в заборе,
И, окунувшись в тишину,
У осени по самой кромке,
Где листьев ржавые обломки
Покрыты коркой ледяной,
Пройду и стану тишиной.
1965

* * *

Январский сумрак затяжной,
Сугробы хрустки, как суставы,
И тянутся по Окружной
Запорошенные составы.

Снега, как дни мои, несметны.
Я в этом мире – на века.
Но снег стряхну с воротника
И в дом войду. И снова – смертна.
1966

* * *

Не ждать ни переправы, ни улова,
Ни окрика, ни шороха, ни зова.
У леса, у глухого перелеска,
Средь синевы, и тишины, и плеска,
На берегу, колени к подбородку,
Сидеть, следя недвижимую лодку
И слушая полуденные речи
Реки, не прерывая, не перечая.
1966

* * *

А у нас ни двора ни кола,
Тихо тают в ночи купола.
Тихо таем с тобою в ночи –
Пришлый люд. Ни к кому и ничьи.
Светом в окнах не ждет городок.
Не зовет у причала гудок.
До зари никаких переправ.
Можно где-то меж неба и трав
Привалиться к березе плечом
И не думать совсем ни о чем.
Пересуды, и сборы, и путь –
Все потом. Все потом. Как-нибудь!
Ночь тепла, точно ворох пера.
Все потом. Как пойдут катера.
Плѣс, 1966

* * *

А у меня всего одна
Картина в рамке побеленной:
Июньский день и сад зеленый
В квадрате моего окна.
...И дуба тень. И дома тыл.
Забор. А ниже, где художник
Поставить подпись позабыл, –
Омытый ливнем подорожник.
1967

* * *

И говорим о том о сём,
Покуда в сумерках пасём
Сухой листвы стада овечьи.
И бесконечны наши речи
О будущем, о вечных снах,
Об ускользающих годах,
Неизживаемых обидах...
О том, о чём и вдох и выдох.
1967

* * *

А воды талые кругом
Светлы, как слезы умиленья.
И впору, бросив зимний дом,
Пуститься в путь без промедленья,
И заплутаться где-нибудь
В лесах за станцией «Лосинка»
И незаметно соскользнуть
С земли, как со щеки слезинка.
1967

* * *

И снова я заговорила
Тогда, когда молчать бы надо.
Какая-то глухая сила
Велит мне третьи сутки кряду
Искать слова и все, что ныло,
Бумаге поверять без толку.
Когда всего-то надо было
Лишь выплакаться втихомолку.
1968

* * *

Жить на свете,— что может быть проще? —

И в июньской полуденной роще
Меж стволами бродить и бродить
И, беседы утративши нить,
Все брести, не заметив молчанья,
В сонной роще, где вечно качанье
И поскрипыванье ствола
И на землю стекает смола.

1969

* * *

И всякий день — всё та же спешка,
И всякий день — орёл иль решка,
И то везёт, то не везёт
В том мире, где подтаял лёд
И где снега под вечер сизы,
Где каплет под лучом с карниза
И стало небо голубым,
И клонит южным ветром дым.

1969

* * *

Ах, все о том же — как пою и плачу,
Как улыбаюсь, как улыбку прячу,
И про тоску свою и про смятенье,
А если о чужом полночном бденье
И о чужой улыбке и судьбе —
То все равно и это о себе.

1969

* * *

Такая тишь и благодать среди берез,
Что верить в бренность и судьбу нельзя всерьез.
Зелено-желто-голубые дни пестры,
И на опушках вечерами жгут костры.
И ни сомнений, ни трагедий, ни разлук –
А только влажный от росы вечерний луг,
И только ночи, что теплы и коротки,
И станционные далекие гудки.
1969

* * *

Позови меня негромко.
Голубого неба кромка
Показалась в серый день.
Позови туда, где ломкий
Лед хрустит и снег бахромкой
Лег на ветви, куст и пенёк.
Позови смотреть на дали.
Все давным-давно сказали
Мы друг другу. Ты да я.
Мы пойдем с тобой в иные,
молчаливые края,
Где значенье в каждом хрусте,
И спастись нельзя от грусти
В хороводе слов и дел,
И никем не обозначен
нашего пути предел.
1969

* * *

Для грусти нету оснований,
Кочуем в длинном караване
Всех поколений и веков,
Над нами стая облаков,
А перед нами дали, дали.
И если полюбить детали,
Окажется, что мы богаты
Восходом, красками заката,
И звуками, и тишиной,
И свистом ветра за стеной,
И тем, как оживают листья
Весной. И если в бескорыстье
Земных поступков наших суть,
Не так уж тяжек этот путь.

1969

IV. Памяти Азварика Мессерера

21-го января 2017 года во Флориде умер Азарик Мессерер - моя первая любовь. – Л.М.

А.М.

Сегодня морозно, и ветер кусается.
Как странно, что это тебя не касается.
Отсутствуешь ты со вчерашнего дня,
И нет для тебя ни родных, ни меня,
Стишка моего, что всегда тебе нравился,
Сонаты, с которой однажды не справился,
Которую ты б доучил, доиграл,
Когда бы не мучился, не умирал.
22 января 2017 г.

* * *

А был ли мальчик? Девочка была ли?
Их небеса целинные пылали?
Им *под* ноги ложился ли ковыль?
И что же это было – небыль? быль?
И, если быль, то что же с нею стало
Потом, когда грядущее настало?
2012

* * *

В 1958-м

Вот если пройду по бордюру, с него не сойдя,
То будет, всё так, как мечтаю, но чуть погодя.
И он позвонит даже, может быть, через часок,
Лишь надо стараться, чтоб пятки касался носок.
Как трудно держать равновесие и не сойти
С бордюра ни вправо, ни влево, не сбиться с пути,
С пути, на котором я счастье хочу обрести,
Не ведая, что до него мне расти и расти.
2011

Из повести «Север, Юг, Восток и Запад»:

... Итак, на три с половиной месяца у меня появился новый адрес: “Сев. Казахстан, Кокчетавская обл., Красноармейский р-н, п/о Большой Изюм, Таинча, разъезд №11, элеватор”. И все это означало – бесконечная степь, ковыль, полынь, постоянно меняющиеся небесные краски, которые можно было наблюдать во всех подробностях. Что я и делала, так как мало спала, но подолгу бродила ночами. К тому же не одна, а со своим однокурсником, с которым впервые разговорилась в поезде, а подружилась на 11-м разъезде. “Сделай доброе дело, погуляй со мной”, – сказала я ему в один из первых вечеров. На работу нас еще не гоняли. В палатке было тоскливо, читать не хотелось, и я чувствовала себя одинокой и неприкаянной. Мы бродили в степи. Ковыль клонился от ветра, пахло полынью, которую я срывала и нюхала, потерев между ладоней. Говорили без умолку. Оказалось, что в Москве у нас много общих знакомых, что в его доме живут наши

близкие друзья, что мы любим одну и ту же музыку, одни и те же книги. Одним словом, не могли не встретиться.

Look, Look, Look at the stars above,
Look, Look at my sweetest Love,
Oh, dear, give me a night in June, I mean it...

Я пела эту старую английскую песенку, а он смотрел на меня сияющими голубыми глазами и смеялся. “Спой еще раз. Ты так смешно произносишь: «Look, Look, Look»”. Разлучала нас только работа.

.....

К концу рабочего дня я не чувствовала ни рук, ни ног, ни спины. Но стоило немного отдохнуть, и откуда-то брались силы на прогулки и даже на кино, до которого надо было пилить несколько километров по степи – оно находилось в соседней деревне. Что это было за кино! Одна афиша чего стоила – ошибки чуть ли не в каждом слове “ФОМ-ФАРЫ ЛЮБВИ”, “ЗОЛОТАЯ СИНФОНИЯ”. Помню, что буквы на афише были все крупные и цветные. Перед сеансом – танцы. Местные парни в длинных пиджаках и кепках прижимали к себе подруг и, активно работая оттопыренным локтем, с серьезным, почти застывшим лицом резво двигались по тесному предбаннику, усыпанному шелухой от семечек. Семечки лутили все: и танцующие, и стоящие у стенки. Их лутили и во время сеанса. Чем увлекательнее сюжет, тем быстрее работали челюсти. А фильмы были похожи на сон, на сладкую грезу. Смутно вспоминаю какой-то зимний горный курорт, богатый отель, счастливую любовь, юную красавицу на фигурных коньках, делающую немислимые пируэты на голубом льду. А музыка! Под какую пленительную музыку шла эта пленительная жизнь. Скинув сапоги и

расстегнув телогрейки, мы с моим другом сидели в тесном деревенском кинотеатре и, замерев, глядели на экран. Да, именно такое кино нужно было показывать на 11-м разъезде. Оно было про нас. И не важно, что фильм – иностранный. Все равно он был про нас, про ту жизнь, которая начнется, как только вернемся в Москву. Московские улицы, голубые троллейбусы, парк Сокольники, возле которого учились, газовая колонка в коммуналке, горячий душ, бабушкина жареная картошка – все это такая же далекая мечта и золотая симфония, как экранная страна горных курортов, шикарных отелей и пируэтов на льду...

В кромешной темноте возвращаясь из кино, мы неожиданно услышали позади себя рев мотора и чьи-то крики. Вскоре темноту осветили фары. Свет фар был шальным, неровным. Когда машина приблизилась, мы поняли, что в кузове люди, которые кричали и барабанили по кабине, пытаюсь остановить пьяного шофера. Обезумевший грузовик, ревя и мотаясь из стороны в сторону, неумолимо приближался. Деваться было некуда. Слева и справа заборы. Между ними узкая дорожка. Мой друг прижал меня к забору и загородил собой. Машина проехала почти вплотную. След колес был возле самых его ног. Через некоторое время раздался грохот, и мотор заглох. Подойдя ближе, мы увидели разрушенный сарай и окруживших кабину пассажиров. У меня так дрожали ноги, что я едва дошла до дому.

.....

За три с половиной целинных месяца я настолько успела привыкнуть к простору и воздуху, что, вернувшись в Москву, задыхалась. Мне не хватало неба, степных запахов, высоких трав. Я привезла с собой веточку сухой полыни, спрятала ее в наволочке и ночами доставала и нюхала, тоскуя по степи и небу – молчаливым участникам бесконечных прогулок...

“Ты знаешь, мне кажется, я люблю тебя”, – сказал мне мой друг. “А мне не кажется, я правда люблю тебя”. Он робко прикоснулся губами к моим губам. Я засмеялась: “Целина – школа жизни”.

.....

“Ты похож на Вана Клиберна”, – сказала я ему однажды. Он просиял, и я поняла, что попала в точку. Позже, уже в Москве, принимая участие в институтских вечерах, мой друг стремительно, как Клиберн, выбегал на сцену и исполнял те же, что и он, “Грезы любви”. Клиберн был его кумиром...

Июнь, тополиный пух на улицах Москвы. I конкурс Чайковского, консерватория, вдохновенная игра молодого долговязого американца – все это так недавно и так давно. Однажды из черной тарелки, висевшей на воротах элеватора, донеслись звуки скрипки. Играл Давид Ойстрах. Открытие сезона в консерватории. Шел холодный осенний дождик, а мы стояли под худой крышей какого-то заброшенного сарая, не в силах шевельнуться. Он обнимал меня за плечи и, наклонившись к самому моему уху, тихонько подпевал скрипке. Неужели есть консерватория, метро, телефонные звонки, тихое вечернее чтение возле настольной лампы, горячий душ? Горячий душ – предел мечтаний.

.....

А я в 18 лет чувствовала себя ветераном труда: потеряла часть волос и приобрела хронический радикулит. Этому чувству суровой бывалости отвечал и целинный гимн, сочиненный на известный мотив старинного танго нашим однокурсником.

Я не знаю, когда в Москву вернемся,
Но скорее всего, мы здесь загнемся.
Нас не спасут ни фталазолы, ни пургены.

Нас схоронят в степи, нас схоронят в степи аборигены.
Много наших крестов торчит над степью,
Ограждая поля угрюмой цепью.
И тихо вымолвил парторг, идя с погоста:
«К коммунизму дойти, к коммунизму дойти не так уж просто».

Эту песню мы распевали и в наш последний целинный день, трясясь в грузовике по дороге на станцию, где нас ждал не товарный состав, а обычный пассажирский поезд. Мы ринулись по вагонам, и когда я, наконец, выбрала себе место, то обнаружила, что потеряла рюкзак. Глянув в окно, я увидела, что он одиноко стоит на перроне. Надо было срочно за ним бежать, но у меня не хватало решимости выйти из вагона: а вдруг поезд тронется, и я останусь. Мой друг стрелой выскочил на перрон, схватил рюкзак, и, едва ступил на подножку, мы поехали.

МЫ ЕХАЛИ ДОМОЙ. В это трудно было поверить. Все завопили “УРА” и бросились обниматься. Мечты начали сбываться сразу: нам выдали чистое белье. Застелив свою постель, я залезла на вторую полку и стала смотреть в окно. Начиналась жизнь, от которой дух захватывало. А еще я везла с собой деньги. Совсем небольшие, но самолично заработанные. Мне хотелось привезти их целиком, чтоб похвастаться дома, и потому за все три дня пути я не потратила ни копейки, питаюсь исключительно сгущенкой и белым хлебом. Мы с моим другом подолгу стояли в тамбуре, рисуя картинки будущей жизни...

Москва, как ее ни ждали, возникла откуда ни возьмись. На перроне толпы встречающих. Цветы, крики, стучат в окно, тянут руки. Мелькнуло мамино лицо. Или мне показалось? Господи, никак не выберешься из вагона. На спине рюкзак, в руках сумка с оставшимся хлебом и сгущенкой. Выхожу из вагона и сразу попадаю в объятия. “Девочка моя”, – мама смеется и плачет. “Ущипни меня”, – прошу я. “Зачем?” “Ущипни, чтоб я поняла, что это не сон”. Кто-то, не помню кто,

взял мой рюкзак, и мы двинулись по перрону. Оглянувшись, я встретилась глазами со своим другом, которого тискали и тормозили близкие. Ох, мы даже телефонами не обменялись...

Продолжение: эссе «Золотая симфония»:

<http://larisamiller.ru/zolsimt.html>

Азарий Мессерер:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Мессерер,_Азарий_Эммануилович

Памяти Азарика Мессерера.

Так это значит - мне одной
Придётся нашу юность помнить,
И станет чуточку бездомней
Она, хранимая лишь мной.

Так это значит - за двоих
Придётся мне беречь всё это:
И целину, и степь, и лето,
Прикосновенье губ твоих.

Я, значит, долго жить должна,
Чтоб безвозвратно не пропали
Те драгоценные детали,
Которым память так нужна.

V. Заметки на полях

"Машина взвизгнула и уехала в моё будущее"¹

О "Необыкновенной выставке» Резо Габриадзе

Музей Москвы, 8 февраля - 20 марта 2016г.

Ну как писать о человеке, который сам о себе написал, и написал так, что лучше не напишешь? И как не писать о человеке, который только и делает, что поражает тебя и изумляет? Вот хожу я по его "Необыкновенной выставке" и думаю: ну что со всем этим делать? Что делать со всем этим богатством - с картинами, рисунками, скульптурами, марионетками, портретами, декорациями, текстами, фильмами? Ведь надо же всех сюда созвать. Хотите быть счастливыми (а кто не хочет?), спешите на эту выставку. А лучше сказать - в гости к волшебнику по имени Резо Габриадзе. Он по-грузински гостеприимен, он вас задарит. Нет, тару для его даров приносить не надо. Чтобы вместить его дары, нужна только одна ёмкость - душа. И тогда... тогда вы побываете в мире, вернее, мирах, преображенных его фантазией. Но это не та фантазия, которая уводит из реального мира, а та, что помогает лучше его разглядеть, заглянуть в самую его сердцевину.

Вы не просто увидите родной город Резо Габриадзе - Кутаиси, вы в него войдёте, услышите его песни, побродите по его улочкам, среди его жителей. Выставка-то необыкновенная. На ней можно и видеть, и слышать, и читать. Из Грузии вы попадёте в Россию, в Подмосковье, потому что Резо знает и слышит Россию не хуже, чем Грузию. И мелодии будут звучать российские, и деревья будут шуметь, и птицы петь, и собаки лаять. А потом вы побродите среди друзей Резо и среди давно умерших, но дорогих ему людей. Поживёте среди поэтов, без которых было бы скучно на земле: вот Пушкин, вот Галактион Табидзе. А потом вы увидите эскизы его знаменитых спектаклей - "Сталинград", "Рамона", "Осень моей весны", "Бриллиант маршала де Фантье" -и в который раз удивитесь тому, насколько выразительны и поразительны актёры-марионетки. А в соседнем зале, где вечерами идут эти спектакли, днём показывают отрывки из фильмов по

¹ «НГ – Ex Libris», 12 мая 2016 г.

сценариям Резо. Кто их не знает: «Мимино», «Не горюй», «Чудаки», «Кин-дзадза»?

Но как же можно всё это увидеть на одной выставке? А вот так: на стенах полутемных залов возникают яркие, необычайно выразительные картины, рисунки. То есть, города, пейзажи, лица. Возникают, живут, и вдруг исчезают, погаснув, чтоб уступить место другим мирам. Собственно, происходит то же, что и в реальной жизни - есть и нету, было и прошло. Но на этой выставке - вариант щадящий, потому что миры возвращаются. Поброди, подожди и дождёшься. Вот снова Кутаиси, снова Подмосковье, снова поэты, снова портреты друзей, снова эскизы спектаклей. Всё повторяется, сменяя друг друга. И музыка, музыка, единственно возможная, точно совпадающая с возникающими мирами.

Вроде бродил, бродил по выставке, а томление по ней не проходит. Хочется получше взглядеться, вслушаться, а картинки гаснут, исчезают, возникают другие. Ну да, всё так, как и должно быть - хорошего всегда мало. Вот с этим томлением по увиденному и уходишь.

А выставка эта – юбилейная (спасибо всем, кто её сотворил, и особенно Лео Габриадзе). Юбиляру восемьдесят лет. К сожалению, даже волшебники не могут пока ещё отменить возраст. Но они могут не слишком ему подчиняться.

И хочется верить, что у жизни, которую он так украшает, хватит мудрости не выпустить его из своих объятий и снова подарить ему шанс, подобный тому, который Резо описал в своих весёлых и грустных воспоминаниях. А было это так: сорок лет назад главный архитектор Тбилиси «случайно, мимоездом» спросил его из машины, не хотел бы он поучаствовать в возрождении старого Тбилиси и что готов предложить. И Резо, безработный в то время, сам не понимая почему, вдруг ответил: «Театр марионеток». «Будет у тебя театр», - сказал архитектор. «Машина взвизгнула и уехала в моё будущее».

7 марта 2016 г.

Счастья внезапный ожог²
О книге стихов Геннадия Русакова «Дни»
(М.: «Воймега», 2016)

Поэты - счастливый народ. Их слушаются слова. А ведь они (слова, то есть) своенравны и капризны, а вот поэта слушаются, да к тому же с радостью. Судите сами:

Для счастья есть особые причины.
У них порой дурацкие личины:
То пруд зацвел, то звякнуло окно.
То на дороге пыль заворошило,
Телку как будто кто-то вставил шило...
А на поверку, в общем, всё равно,...

Да это же целый трактат, уместившийся в горстку слов. Но счастье, о котором эти стихи, не простое, оно горькое:

... как бунинская проза.
Под сердцем ноет мелкая заноза.
Не горься: перетерпим-переждём.
На небо глянем, ветром оботрёмся,
С погодой постепенно разберёмся
И захлебнёмся солнечным дождём.

Не знаю, как вы, а я чувствую, что слова радуются своему участию в этих стихах. И не просто радуются, а ликуют. Им нравится место, на котором они стоят, им нравятся соседи да и сама тема.

Я бы оставила вас наедине с этими стихами, но, боюсь, у вас руки до них не дойдут. А мне жаль, если вы не прочтете: "под сердцем ноет мелкая заноза" или "и захлебнемся солнечным дождем". Вот я и заделалась толмачом поэта Русакова. Никто меня об этом не просил. Просто слышу, о чем люди говорят, и

² «НГ – Ex Libris», 30 июня 2016 г.

думаю: жаль, что не стихами и не о стихах. Ведь стихи - о том же. То есть, о жизни, о боли, о земном, но только всё в них короче, глубже, насыщенней, чем в обычной беседе. И, выходит, что даже горькие стихи - в радость. Такое уж у них свойство.

Темно вокруг, и мир исходно страшен.
Он сам собой. Ему не нужно нас
На этих верстах неоглядных пашен
И на пространстве в сорок тысяч глаз.
Там я не сплю в застиранной рубахе,
Один в моей немыслимой стране,
Где по ночам разгуливают страхи,
Особенно по левой стороне.
Где темь черна, а утро бронебойно
В блистанье вод, хотя возможно - льдов.
И длятся необъявленные войны
На улицах далёких городов.

Эти стихи не только не убаюкивают, они даже жмут на болевые точки, но при этом, не только не лишают желания жить, но даже дают силы жить дальше в том мире, "где по ночам разгуливают страхи". Да что в нем хорошего - в подобном мире? Но поэт ведь уже сказал, что "для счастья есть особые причины. У них порой дурацкие личины: то пруд зацвел, то звякнуло окно...". А такие причины найдутся у каждого. Просто у поэта зрение острее и поэтому он быстрее их отыщет и назовет.

А еще интересно следить за тем, как поэт сам себе противоречит. То говорит о мире, что "ему не нужно нас", то заявляет, что мир "без меня неплотно заселен. / Я нужен в нём невнятным обещаньем." Вот вам и еще один довод в пользу жизни. Что может быть загадочнее и плодотворнее, чем невнятное обещание?

Не ждите подходящих для поэзии времен. Их никогда не будет, ибо они есть всегда. Я сказала в самом начале, что поэты - счастливый народ, потому что их так сильно любят слова, что по ходу дела меняют свою окраску. То есть, даже повествуя о горестном, начинают светиться. Хотите испытать "счастья внезапный ожог", читайте стихи. Не гарантирую, что любая книжка стихов вас

осчастливит, но ручаюсь за книгу в скромном коричневом переплете, на которой белыми буквами написано название сборника "Дни" и имя автора "Геннадий Русаков".

11 июня 2016 г.

«Я должна рассказать...»³
О книге Татьяны Правдиной-Гердт «Разговор со своими»
(Нижний Новгород: «Деком», 2016)

Татьяна Александровна Правдина-Гердт назвала свою книгу "Разговор со своими". Очень точно: книга - не монолог, а беседа с теми, кто готов слушать и способен понять. Автор неоднократно возвращается к теме одиночества: "Одиночество - это не тогда, когда ты один... Это когда ты рядом с людьми чуждыми тебе". Татьяна Александровна, несмотря на свойственное ей жизнелюбие, не шибко верит в то, что "своих", на которых рассчитана книга, окажется много. "Дни идут, а годы летят" любил повторять Зиновий Ефимович. Уходят сверстники, у оставшихся слабеет память, пропадает кураж и интерес к жизни. Но у самой рассказчицы имеется в наличие и память и кураж, и живой интерес к происходящему. А такие вещи заразительны. Поэтому и читателей у этой книги, полагаю, будет много. И не только по причине интереса ко всему, что связано с замечательным и незабвенным Гердтом, с которым Т.А. прожила долгие годы, но и потому, что сама Т.А. - раритет.

Во-первых, коренная москвичка, знающая Москву вдоль и поперек. А коренных москвичей на сегодняшний день - раз, два и обчелся. Во-вторых, она - из рода промышленников Шустовых, создателей знаменитой компании "Шустов и сыновья", поставлявшей водку, коньяки и вина царскому двору. А у семейства Шустовых - богатая история и интереснейшая судьба. В-третьих, Т.А. принадлежит к почти ушедшему племени истинных интеллигентов, владеющих чистой русской речью, исповедывающих те ценности, которые стремительно исчезают из сегодняшней жизни: поэзию, живопись, музыку. Но главная

³ «НГ – Ex Libris», 3 ноября 2016 г.

ценность для Т.А. - люди. Книга населена людьми. Это прежде всего ее мама - невероятно обаятельная Шуня (ШУстова ТаНЯ), которую Зиновий Ефимович обожал и считал ангелом, настолько бесхитростным и чистым душой, что и анекдоты были ей, в силу ее простодушия, недоступны. На Шуне, обладающей невероятной стойкостью и преданностью, держался дом. Когда в 31-ом арестовали отца Т.А., то выжил он во многом благодаря Шуне, которая, взяв с собой маленькую, дочку, последовала за ним в Сибирь, устроилась там на работу, чтоб быть поблизости. И только когда его услали еще дальше, вернулась в Москву. Работала, растила Таню, посылала мужу посылки, ездила на свидания.

Люди, люди, люди. Родственники, друзья, случайные попутчики - едва знакомые, но чем-то поразившие воображение. Колоссальный интерес к людям - это то, что свойственно и Тане и Зяме. Они умели быть благодарными судьбе за ее подарки. И, видимо, чувство благодарности и заставило Т.А. взяться за перо. Все 235 страниц книги пронизаны благодарностью судьбе за людей, которых она подарила автору. Тут и совсем дальние давно ушедшие родственники, школьные, институтские друзья, чьи имена мудрено запомнить, дети и внуки друзей. Казалось бы, "что мне Гекуба?" Но я читаю и не могу оторваться. Теперь уже я благодарна автору за то, что она спасла от забвения столько людей, воскресила их одним ярким штришком, выхватила из небытия, припомнив связанные с этими людьми события. "О Константине Иосифовиче я, конечно же, должна рассказать. Он был близким, настоящим другом моих родителей". Вот типичное начало главы: "Я должна рассказать". - Потому что он был человеком редкой доброты, взял Шуню, у которой сидел муж, на работу, помогал ей отправлять в Сибирь посылки и тд.

И сколько таких людей, которым нельзя не поклониться. Говоря о страшных временах террора, войны, бедности, Т.А. предпочитает вспоминать не столько бедствия, сколько людей, которые помогли выжить.

Да, книга горькая, потому что она о потерях. Умерла Шуня, с чьей смертью Таня, наверное, не смирилась до сих пор. Умер Зяма, с которым прожиты самые яркие годы жизни. Уходят сверстники. Но при всей нескрываемой горечи, Т.А. радуется людям, что были рядом, счастлива, что удалось увидеть огромный мир, о котором она пишет очень по-своему и с большим юмором. Кстати, чувства юмора она не теряет на протяжении всей книги, что роднит ее с Гердтом.

И еще об одном нельзя не сказать. Т.А. верна себе: назвав книгу "Разговор со своими", она не пытается превратить ее в нечто высокохудожественное. Не ищет особого стиля, не стремится быть шибко оригинальной. Она разговаривает, употребляя все характерные для разговора словечки: "жуть какая-то", "жалко ее", "извините, что повторяюсь". И от этого книга становится только теплей и роднее. И кончает Т.А., не мудрствуя лукаво, тем, чем и должна кончаться такая книга : «Не говори с тоской: их нет, / А с благодарностию: были».

20 октября 2016 г.

«Так и надо жить поэту»⁴
Памяти Евгения Евтушенко

О Евгении Евтушенко можно говорить и писать только как о живом человеке. Чего у него всегда было в избытке, так это жизни, энергии, витальности во всех ее проявлениях. Мы часто встречались с ним на лесных дорожках переделкинского леса еще тогда, когда этот лес был жив и его не поел короед и тогда, когда Е.А. мог легко передвигаться. Он гулял по лесу с двумя разнокалиберными собаками, а я с сыном или с мужем. "Лариса, - однажды окликнул меня Е.А. - мне нравится, как Вы пишете о поэзии". Завязался оживленный разговор. Он и не мог быть другим, потому что этому человеку всё было интересно и до всего было дело. Временами начинало казаться, что он курирует земной шар, настолько горячо он откликался на все происходящее.

В другую нашу "лесную" встречу он пытал меня по поводу Бориса Рыжего. "Да это же слабое подражание Есенину, - уверял меня Евтушенко". "Ничего подобного", - говорила я, приводя какие-то строки Рыжего, ничем не напоминающие Есенина. Какое-то время спустя я прочла статью Евтушенко, в которой он передал этот наш разговор, признавая, что был не прав. Он умел менять свою точку зрения, потому что живой и неравнодушный.

Сколько раз я слышала насмешки по поводу его "попугачных" одежек. Ну да, он смешно одевался. В лесу он тоже гулял в чем-то ярком и броском. Но когда шел впереди, я увидела как весело сверкает его голая пятка - ярко желтый

⁴ «Литературная Россия», № 12, 7 апреля 2017 г.

носок был рваным. По-моему, это умилительно. Не так уж он работал на публику, если и в безлюдном лесу гулял в цветных носках, не слишком заботясь о том целые они или нет. Эти бьющие в глаза цвета - все тот же избыток витальности.

А однажды на переделкинских дорожках он зачитывал меня стихами какого-то очередного провинциального гения, которым был увлечен. Он всегда был кем-то увлечен. И я тоже на время заняла уголок его души. Он запомнил какие-то мои строчки наизусть и даже сделал передачу по радио. А не влюбляйся он в чужие стихи, разве смог бы он потратить столько лет жизни на составление грандиозной антологии русской поэзии?

Говорю только о том, чему сама была свидетель. Поэтому не выстраиваю свою статью, не пишу о пути, не забочусь о том, чтоб всё отразить. Да и не статья это вовсе, а впечатления от нескольких мимолетных встреч.

Вот пришел он, сильно хромая, в переделкинский дом-музей Окуджавы, с помощью жены Маши поднялся на сцену и ... воспарил. И голосом, и душой. Откуда что взялось? "Так и надо жить поэту", - вспомнила я строчку Арсения Тарковского. Но зачем вспоминать строчку другого поэта, пусть даже и Тарковского, которого так почитал Евтушенко? Уж лучше я завершу давними стихами самого Е.А.:

2 апреля 2017 г.

Зашумит ли клеверное поле, заскрипят ли сосны на ветру,
я замру, прислушаюсь и вспомню, что и я когда-нибудь умру.
Но на крыше возле водостока встанет мальчик с голубем тугим,
и пойму, что умереть — жестоко и к себе, и, главное, к другим.
Чувства жизни нет без чувства смерти.
Мы уйдем не как в песок вода,
но живые, те, что мертвых сменят,
не заменят мертвых никогда.
Кое-что я в жизни этой понял, — значит, я недаром битым был.
Я забыл, казалось, все, что помнил,
но запомнил все, что я забыл.
Понял я, что в детстве снег пушистей,
зеленее в юности холмы,

понял я, что в жизни столько жизней,
сколько раз любили в жизни мы.
Понял я, что тайно был причастен к стольким людям сразу всех времен.
Понял я, что человек несчастен, потому что счастья ищет он.
В счастье есть порой такая тупость.
Счастье смотрит пусто и легко.
Горе смотрит, горестно потупясь, потому и видит глубоко.
Счастье — словно взгляд из самолета.
Горе видит землю без прикрас.
В счастье есть предательское что-то — горе человека не предаст.
Счастлив был и я неосторожно,
слава богу — счастье не сбылось.
Я хотел того, что невозможно.
Хорошо, что мне не удалось.
Я люблю вас, люди-человеки,
и стремленье к счастью вам прощу.
Я теперь счастливым стал навеки, потому что счастья не ищу.
Мне бы — только клевера сладинку на губах застывших уберечь.
Мне бы — только малую слабинку — все-таки совсем не умереть.
(Евгений Евтушенко, 1977)

«Мне посчастливилось»⁵

*О книге Людмилы Штерн «Жизнь наградила меня»
(М.: «Захаров», 2016)*

Странное это чтение - то смеюсь, то плачу. Только полезу в карман за платком, а уже смеяться пора. Да ведь и в жизни так. А книга Людмилы Штерн - о жизни на большом ее протяжении. В нее вместились разные времена: и давние-предавние (конец 19-го века и начало 20-го) и недавние, и совсем новые. Короче, эта книга – «энциклопедия русской жизни». Причем жизни не только в России, но и в эмиграции.

⁵ «НГ – Ex Libris», ?? ??? 2017 г.

И хотя книга густо населена и начинается с прадеда, в ней не увязает. И как это автору удастся, ума не приложу. Ни спешки, ни скороговорки, а только легкое касание талантливому перу. И благодаря этому касанию, мне удалось разглядеть всех: и «положительного капиталиста» прадеда Людмилы Льва Крамера и деда Филиппа Романовича, который в 1913 году в Швейцарии познакомился с Лениным и даже некоторое время состоял с ним в переписке. И своенравную, немного богемную красавицу мать, успевшую в 20-ые годы сняться в нескольких фильмах. И отца Людмилы известного юриста Якова Ивановича Давидовича, отсидевшего несколько лет по сфабрикованному делу, и рано умершего от инфаркта. И обширнейший круг друзей родителей Людмилы, среди которых были и Виктор Шкловский и Роман Якобсон, и Зощенко. Всех не перечесть.

Но, наделяя эпитетами героев книги, ловлю себя на том, что невольно упускаю главное. Вот сказала про маму «своенравная», а ведь ее своенравие то и дело оборачивалось бесстрашием. В тот сентябрьский день 1946 года, когда в Смольном прорабатывали Зощенко, именно она выбежала за ним рыдающим из зала, тем самым сорвав «высокое» собрание. А отец Людмилы был не только юристом, но и уникальным знатоком военного костюма всех времен и народов.

Благодаря легкому касанию пера, удастся близко познакомиться с колоритными соседями типично ленинградской коммуналки, в которой долгие годы жила Людмила, и послушать красочную речь незабвенной на редкость преданной домработницы Нули, спасшей арестованного отца Людмилы от голодной смерти в блокадном Ленинграде. И удастся посидеть за одним столом с друзьями родителей Людмилы: с директором Эрмитажа Орбели, с блестящим Ираклием Андрониковым, с художником Натаном Альтманом, с литературоведами Борисом Эйхенбаумом и Юрием Лотманом. И не просто посидеть за одним столом, но и подышать одним воздухом с ними. Это воздух, в котором растворено все: и высочайшая культура, оставшаяся с прежних времен, и преданность своему делу, и поселившийся в душах в те мрачные сталинские годы страх.

И каким-то чудесным образом мы легко и просто переносимся во времена молодости самой Людмилы и оказываемся в обществе ее ленинградских друзей: Бродского, Рейна, Наймана, Довлатова, Барышникова.

Другие времена, другие разговоры, другая страна, но талантами она, как ни странно, не оскудела. А вот страху, хоть и поубавилось, но дышать полной

грудью все равно трудно. И друзья уезжают - кто по собственному желанию, кто вынужденно. Впрочем, всегда и все уезжают отсюда вынужденно, потому что воздуха в России во все времена хронически не хватает. Он здесь всегда «ворованный».

Вот и семья Люды Штерн снялась с места в 1975 году и уехала за океан вслед за уехавшим еще раньше Бродским. И как же это трудно - вращаться в другую почву! Особенно когда думаешь, что сжег все мосты. И это тоже автору удалось передать. Хотя и о тяжком она поведала легко и со свойственным ей юмором. А еще в книгу вместились и пионерлагерь, и школа, и институт, и даже Вольф Мессинг. Замечательно, что книга поделена на главы разной величины. Это очень облегчает чтение. Отдельные главы посвящены многолетней дружбе с Бродским и Довлатовым. Есть глава, посвященная замечательно талантливому рано умершему эрудиту и знатоку балета Геннадию Шмакову, а также чете Либерманов, с которыми Людмила познакомилась в Штатах. Эта пара, помимо всего прочего, интересна тем, что женой художника Алекса Либермана была та самая красавица Татьяна Яковлева, в которую когда-то был влюблен Маяковский и с которой так и не свиделся снова потому, что его не выпустили из России.

Господи, сколько всего вместилось в книгу! И как она густо населена и какими интересными людьми! И какая молодец Людмила Штерн, что не дала этим людям уйти бесследно. Ведь в книге живут не только знаменитости, но и люди невеликие. Одна няня Нуля чего стоит, с ее сочной неповторимой речью.

В эпилоге Людмила Штерн вспоминает давний разговор её пятилетней дочери Кати с бабушкой, то есть, Людиной мамой:

- Бабушка, ты растешь?
- Нет, детка, уже не расту.
- Совсем не растешь?
- Совсем не расту.
- Значит, у тебя просто так идут годы?

Читаешь книгу Людмилы Штерн и видишь, что ни у нее самой, ни у тех, кто живет в ее книге, годы не шли "просто так". Жизнь и впрямь щедро наградила Людмилу удивительными людьми, а ее самую талантом, памятью и легким пером, которым она обо всех этих людях написала, не дав им исчезнуть.

15 апреля 2017 г.

Краткое содержание

I. Несколько новых стихов 2017 г.

II. Сентябрь-октябрь 2015 г.

III. Несколько стихотворений 1965-1969 гг.

IV. Памяти Азарика Мессерера.

- Сегодня морозно, и ветер кусается...
- А был ли мальчик? Девочка была ли?..
- В 1958-м.
- Из повести «Север, Юг, Восток и Запад».
- Так это значит - мне одной...

V. Заметки на полях.

- Машина взвизгнула и уехала в моё будущее". О "Необыкновенной выставке» Резо Габриадзе.

- Счастья внезапный ожог. О книге стихов Геннадия Русакова «Дни».

- «Я должна рассказать...». О книге Татьяны Правдиной-Гердт «Разговор со своими».

- «Так и надо жить поэту». Памяти Евгения Евтушенко.

- «Мне посчастливилось». О книге Людмилы Штерн «Жизнь наградила меня».